

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.482

А. Н. Сунами

КОНФЛИКТОЛОГИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Явление ответственности вбирает в себя круг самых разнообразных деталей: состояние субъекта и объекта ответственности, цель, средства достижения цели, конкретные действия и т.д. Ответственность максимально связана, с одной стороны, со «свободной» волей субъекта, с другой — с имеющими разную природу императивами, детерминирующими принятие социально-политических решений. Являясь по природе своей элементом жизни социальных субъектов, ответственность, естественно, была и остается объектом исследования многих общественных наук. При этом анализ природы ответственности с помощью конфликтного подхода до сих пор не имел значительной традиции в отечественной и зарубежной конфликтологии. Утверждая, что конфликтологическая парадигма есть концепция познания человека, общества и государства через их участие в социальном конфликте, мы не ставим задачу переосмысления ответственности как таковой с помощью методологического аппарата конфликтологии. Скорее, ставится вопрос о введении в научный оборот категории специфического типа ответственности — конфликтной ответственности.

В целом размышления об ответственности не чужды конфликтологии. Правда, речь идет скорее об ответственном поведении в конфликте, когда участники противоборства, с одной стороны, прагматично отстаивают собственные интересы, а с другой — придерживаются процедуры разрешения спора, которую они совместно избрали, при этом не выходя за пределы конфликтного взаимодействия, определенного нормами данного конкретного общества. Так, А.И. Стребков считает, что конфликтную ответственность можно понимать как такой способ взаимодействия, при котором в тех или иных условиях достигается приемлемо положительный результат этого взаимодействия. В свою очередь, приемлемо положительный результат конфликта — это согласие, которое достигается индивидами ввиду недостаточности средств для осуществления негативного способа взаимодействия или в силу убеждения в том, что подобный способ взаимодействия лишь ухудшит и без того неопределенное положение одной из взаимодействующих сторон. В целом это совпадает с представлением об ответственности как об ответственных поступках, т.е. тех действиях, для которых

Сунами Артем Николаевич — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: iartemsunami@gmail.com

© А. Н. Сунами, 2013

можно указать рациональную мотивацию, сочетающуюся с нормами. При этом безответственное поведение — это действие либо необъяснимое рационально, либо нелегальное. Е. Н. Лисанюк в русле данного подхода вводит четыре характеристики ответственности: 1) рациональные мотивы поступка; 2) оценка этих мотивов посредством соотнесения их с нормами и правилами; 3) агент, т.е. лицо, совершившее действие; 4) признание поступка ответственным или безответственным [1, с. 68]. Несмотря на то, что в этом понимании ответственности есть важные положения, которые мы используем в дальнейших наших размышлениях, всё-таки кажется, что ответственность в конфликте и конфликтная ответственность не тождественны и что последняя обладает своим собственным уникальным содержанием.

Понятие ответственности даже в своем семантическом значении предполагает наличие ответа, который держит один участник социальных отношений перед другим, выступая как субъект ответственности. Того, перед кем держат ответ, в научной литературе иногда определяют как инстант ответственности, в качестве которого могут выступать отдельный человек, коллектив, социальная общность, общество в целом, обезличенное общественное мнение, совесть субъекта и др. [2, с. 7–10].

Причины возникновения таких специфических отношений между субъектом и инстантом ответственности могут быть разными: зависимость субъекта ответственности от инстанта, делегирование ему определенных полномочий для достижения целей инстанта и т.д. При этом «процедура возложения такой обязанности может быть автономной, когда агент действия сам считает себя обязанным, или гетерономной, когда кто-то другой налагает на него данное обязательство» [1, с. 64]. Исходя из признания современной наукой того факта, что конфликт является одним из способов отстаивания интересов и удовлетворения потребностей социальных субъектов, можно предположить, среди прочего, и передачу инстантом субъекту ответственности собственных конфликтных взаимодействий. Таким образом, конфликтная ответственность, по сути, описывает процедуру признания чужих интересов своими с последующим отстаиванием этих интересов в конфликтном взаимодействии, если они вдруг оказались несовместимыми с интересами других социальных акторов. Видимо, в этом и стоит искать основание возникновения конфликтной ответственности. Заметим, что мы вынуждены оставить за скобками нашего анализа частные случаи возникновения такой конфликтной ответственности, связанные с наймом специалистов (адвокатов, переговорщиков) и передачей им права осуществлять от нашего имени конфликтное действие. Данная процедура институционализована, характер отношений между инстантом и субъектом ответственности предельно регламентирован. Мы же сосредоточимся на ситуациях гораздо более неявных, где участники отношений абстрактны, а сами эти отношения во многом умозрительны.

Очевидными примерами такого инстанта и субъекта ответственности являются соответственно общество (народ) и государство. В этом случае конфликтную ответственность уместно анализировать в связи с социальным конфликтом как способом достижения общественного блага. Как мы выяснили, ответственность в контексте отношений между ее субъектом и объектом воспроизводит себя в форме обязанности одних по отношению к другим, а конфликтная ответственность — в виде обязанности ответственного субъекта вступить в конфликт. Согласно такой логике, обратная ответственному поведению ситуация возникает в случае, когда государство или иной крупный субъект социального действия не вступает в конфликт, хотя обстоятельства,

нормы, обычаи, его долг перед другими социальными субъектами предписывают ему вступить в конфликтные отношения для достижения значимых и общественно разделяемых целей. Необходимым условием является и то, что при ином способе взаимодействия, чаще всего с общественно девиантными акторами, данные цели принципиально не могут быть достигнуты. Конфликтную безответственность демонстрирует и субъект, манифестирующий в своих декларациях наличие несовместимых целей и свою обязанность вступить в конфликт, но не воплощающий это в реальной социальной практике.

Очевидно, первым замечанием, проверяющим на прочность данную теоретическую конструкцию, должен стать вопрос, существуют ли в принципе потребности, интересы, цели народа во всей его коллективности, которые передаются государству, ибо если таковых нет, то и конфликтная ответственность в том виде, в котором она описывается нами, есть лишь плод нашего воображения. Проще говоря: рассуждая в русле понимания ответственности как действия, основанного на рациональных мотивах, где искать объяснение причин конфликтной ответственности государства? На помощь здесь может прийти несколько подзабытая, но вновь обретающая актуальность концепция «общего блага».

Представляется, что «общее благо» и есть тот рациональный мотив, который лежит в основе конфликт-ответственного поступка государства. Античная интерпретация общего блага, положившая начало спору о возможности добровольного отождествления общего и частного блага — а в нашем случае общего и частного интереса — признавала обоснованность общего блага как необходимого элемента прогресса политического общества. Дальнейшее развитие концепции общего блага, претерпевшей упадок в классическом либерализме и некоторый ренессанс в новейшей истории, может быть сведено к двум полюсам. Первый полюс — минимальное государство В. Гумбольдта, в котором общее благо может быть позитивно («положительное благо»), когда государство заботится о нуждах и потребностях граждан, и негативно — в том случае, если государство вступает в борьбу с социальным злом, нивелируя последствия разрушительных социальных конфликтов. Идея минимальности государства — а в нашем случае максимального сокращения всей совокупности ответственностей государства, в том числе и конфликтной ответственности, — связана у В. Гумбольдта с негативными последствиями таких государственных поступков, которые отнимают у граждан самостоятельность, наносят ущерб их «нравственному благу», т. е. их энергии и предприимчивости [3, с. 628]. На другом полюсе — концепция государства «всеобщего благосостояния», изложенная, в частности, в знаменитом докладе У. Бевериджа, постулирующая наличие государственной ответственности за благосостояние граждан, которое и является искомым общим благом [4]. Дальнейшее развитие концепции общего блага возможно через достижение консенсуса между индивидуалистическим либеральным его отрицанием и классическим представлением о нём как о добродетели. В пользу необходимости такого консенсуса звучит ряд аргументов [5].

Аргумент глобализации фиксирует проблему истощающихся ресурсов и плюрализма глобальной конкуренции, предрекая скорую невозможность существования обществ, где либеральный индивидуализм экономически обеспечен для избранных стран и народов. Возвращение общего блага предположительно поможет избежать глобальных потрясений, рецептов от которых не сформулировано в либеральной теории, при условии, что общее благо не должно приобретать автономный от частных благ

характер. Моральный аргумент исходит из того, что самые общие из частных потребностей и интересов, как то безопасность, благосостояние, являются предпосылками для реализации иных, менее общих и более частных интересов, и именно их и можно интерпретировать как искомое общее благо. Близок к нему и этологический аргумент, с той лишь разницей, что конкретизирует общее благо как хороший порядок в обществе, в котором фиксируется взаимозависимость социальных субъектов в удовлетворении своих потребностей.

Таким образом, принимая мысль о том, что рациональным мотивом рассматриваемой ответственности является реализация общего блага, следует отметить значение конфликтного подхода в изучении данного явления. Важным методологическим преимуществом конфликтологии является введение в анализ противоположной стороны, ее потребностей, интересов и конфликтных ресурсов, что часто упускается из виду. Общее благо или общий интерес не являются априорно реализуемыми, иначе государство всеобщего благосостояния уже стало бы реальностью для всех. Их реализации могут мешать объективные обстоятельства в виде дефицита ресурсов или же субъективные условия. Кто же тот субъект, с которым государство должно вступить в конфликт, чтобы реализовать общий интерес? Очевидно, что это частный интерес, который выступал в качестве оппозиции общему благу на всём протяжении существования этой концепции.

Итак, мы выяснили основания возникновения конфликтной ответственности. Объектом конфликта здесь является общее благо, в котором воплощены интересы и потребности большинства, каждый раз конкретизирующего общее благо в предмете конфликта. При этом первоначальный субъект конфликта (большинство) явно или не явно передает право вести конфликт государству — или по причине того, что не может выбраться за пределы свои частных интересов, ибо люди заботятся, по словам Аристотеля, «всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим» [6, с. 59], или осознавая невозможность своей победы без того конфликтного ресурса, который принадлежит исключительно государству, а именно власти или легитимного принуждения противника.

Что же можно сказать о том, как государство выполняет взятые на себя обязательства, и как конфликтологически проанализировать степень этого выполнения?

Классические конфликтологические концепции говорят о такого рода конфликтах следующее. Л. Козер, интерпретируя Г. Зиммеля, в частности, пишет, что объективированная борьба, превосходящая всё личное — а конфликт по поводу общего блага должен быть отнесен к таковой, — «обычно более радикальна и беспощадна, чем конфликты по поводу личных проблем. Сознание того, что они выступают от имени сверхиндивидуального “права”, делает каждую из сторон непреклонной в своих стремлениях» [7, с. 139]. Иначе говоря, если конфликт надындивидуален, то интересы, в нем положенные, трудно модифицировать, ибо выступающий от имени некоего сообщества считает себя не вправе менять что-либо в первоначальной позиции того, чью сторону он представляет в конфликте. Исходя из этого, государство, беря на себя конфликтную ответственность, вроде бы должно яростно и бескомпромиссно отстаивать общий интерес. Р. Дарендорф формулирует это несколько иначе, вводя понятие интенсивности конфликта. «Чем большую значимость отдельные участники конфликта приписывают спорным проблемам своего существования, тем более интенсивен данный конфликт» [8, р. 211]. То есть ключевым моментом является цена вопроса, а не то, представля-

ют ли стороны конфликта только себя или только другого. Р. Дарендорф замечает, что внешнее проявление конфликта, выраженное в переменной насильственности, может проявляться очень выпукло, вводя в заблуждение стороннего наблюдателя, при этом анализ содержательной переменной интенсивности может показывать крайне низкое ее значение. Подсчитано, что за 13 лет после-ельцинской эпохи верховная власть в лице В. В. Путина 11 раз устраивала публичный разнос на тему жилищно-коммунального хозяйства, в частности по поводу роста тарифов. При всём при этом тарифы продолжали расти, часто многократно. Более того, глава Федерального агентства по тарифам прямо заявляет, что поручение президента ограничить рост тарифов не приведет к изменению реального положения дел граждан. Очевидно, что в данном случае мы наблюдаем теоретически описанную нами картину на практике. Граждане, будучи не в силах реализовать в конфликте с ответственными за управление сферой ЖКХ свои экономические интересы, которые в силу своей естественной массовости могут быть названы общим интересом, перепоручают их государству, последнее же внешне демонстрирует крайне непримиримую позицию, при этом наличествующий итог конфликта говорит о его вялотекущем, неинтенсивном характере.

Примерами такого рода конфликтной безответственности изобилует история любого государства как в исторической ретроспективе, так и в современности. Так почему же государство, соглашаясь с этой ношей, оказывается неспособным, несмотря на весь свой арсенал средств, эффективно представлять общий интерес? Иначе говоря, в чём природа конфликтной безответственности?

Первое соображение на этот счет заключается в следующем. Говоря о сути конфликтной ответственности, мы пришли к выводу, что в самом общем смысле она отражает процедуру признания чужих интересов своими. В данном случае неперенным условием для того, чтобы государство с максимальной степенью ответственности подошло к конфликту по поводу общего блага, должно стать отождествление общественного интереса с государственным. Насколько же в действительности делегированные интересы важны для государства? Очевидно, что процесс делегирования конфликтного интереса от инстанта к субъекту ответственности, особенно гетерономный, не всегда носит для последнего добровольный характер. Сущность отношений современного государства со своими гражданами порождает множество ситуаций, когда государство вынуждено брать на себя обязательства, в том числе и конфликтные, что не всегда при этом приводит к отождествлению общего и государственного интересов. Возникающий вследствие принятия этих обязательств конфликт, в котором актуальный государственный интерес не укоренен, автоматически приобретает нереалистичный характер. В данном случае велик объяснительный потенциал конфликтного подхода к таким обязательствам государства, ибо только здесь возможен обстоятельный анализ общего и государственного интересов и прогностический вывод о том, насколько успешно государство будет отстаивать интересы общего в конфликте с частным. В случае несовпадения, а иногда и прямого противоречия этих интересов уповать на успешное разрешение государством таких социальных конфликтов становится неразумным.

Другой возможной причиной конфликтной безответственности может стать разрыв связки инстант — субъект ответственности. Возвращаясь к мысли, что ответственное действие должно быть объявлено таковым или через признание его рациональности, или через его легитимацию, можно прийти к следующему выводу. В случае если инстант конфликтной ответственности, т. е. народ, уверен в избыточности леги-

тимного принуждения, которое использует государство для достижения общего блага, действия государства могут быть не признаны им ответственными, т. е. имеющими рациональное обоснование, и связка инстант — субъект разрывается, так как общее благо в интерпретации государства эволюционировало в нечто автономное и стало оппозицией общему благу как совокупности большинства частных благ.

Третье соображение касается государства как специфического субъекта конфликтной ответственности. Если в частном случае делегирования конфликтного интереса от одного лица другому можно быть уверенным, что именно делегированный интерес инстанта будет лежать в основе позиции субъекта конфликтной ответственности, то в случае, когда последним является государство, всё гораздо более запутано. А. И. Стребков (говоря, правда, о социальной ответственности государства, но вполне применимо и к конфликтной ответственности) указывает на то, что «ответственность государства обременена, во-первых, ответственностью перед экономикой и классами, господствующими в ней, обязанностями создавать условия, необходимые для поддержания прибыли, на уровне, способствующем сохранению высокой конкурентоспособности. Данная ответственность утверждается формальной и отрицательной деятельностью государства в социальной сфере. Во-вторых, она обременена ответственностью государства перед самим собой, что требует от гражданского общества и его устройства сохраняться в различиях и таких различиях, которые позволяют государству воспроизводиться в качестве политического организма. Данная ответственность утверждается формальной, реальной и отрицательной деятельностью в социальной сфере. В-третьих, социальная ответственность перед обществом представлена как остаточная социальная ответственность, как результат вычетов ответственности перед рынком и государством» [9, с. 188].

Резюмируя сказанное, можно зафиксировать, что государство имеет дело с тремя инстантами конфликтной ответственности: капиталом, народом и самим собой, и каждый из них делегирует ему свой интерес, либо действительно являющийся общим, либо маскируемый под таковой. Государство зачастую вынуждено, реализуя интересы инстантов, вступать в конфликт с ними же, т. е. они — одновременно и инстанты, и олицетворение тех сил, с которыми государство взяло обязательство бороться. Всё это порождает крайне запутанные отношения.

Г. Зиммель, описывая Европу XIII столетия, говорит о знати, составлявшей совет при князе и жившей при его резиденции в качестве гостей. В этой знати гармонично уживались интересы монарха, которому она служила и которому помогала управлять государством, и оппозиционные монарху собственные сословные интересы. В те времена, пишет он, позиция этих людей воспринималась единой, хотя сейчас составляющие ее компоненты кажутся нам антагонистичными. Г. Зиммель отмечает, что социально-политические отношения в своем развитии всё больше дифференцируют позиции участников, выкристаллизовывая их интересы, в отличие от субъективно-личных отношений, которые с годами всё больше запутываются [10, S. 210–213]. В силу указанных А. И. Стребковым обстоятельств можно заключить, что государство является весьма специфичным агентом ответственности, ибо большую часть времени пребывает, как средневековые бароны, в состоянии зиммелевской неопределенности, обреченное брать на себя интересы всех поименованных выше инстантов.

На то, что интерес частный или интерес капитала, как уже было сказано выше, преимущественно антагонистичен общему интересу, указывал и Р. Дарендорф, говоря

о непримиримости партии экономического роста и партии прав [11]. Примеров тому множество. Оценивая сделанные В. В. Путиным в ходе президентской кампании предвыборные обещания, тогдашний министр финансов А. Л. Кудрин заявил, что мы должны или отказаться от части сделанных обещаний, или увеличить налоговое бремя на бизнес, при этом последнее приведет к утрате серьезного преимущества российской финансовой системы [12]. В таком же русле размышляют и авторы разрабатываемой по распоряжению российского Правительства «Стратегии-2020», в которой настоячиво предлагается увеличение пенсионного возраста, опять же как часть комплекса мер по снижению налоговой нагрузки на бизнес, с их слов на 20–22% [13].

Так почему же государство берет на себя конфликтную ответственность, зачастую и не предполагая выполнять свои обязательства? Ответ прост. Поступая таким образом, оно трансформирует неуправляемые, стихийно-массовые социальные конфликты, которые возникали бы в случае, если бы граждане посчитали нужным сами вступить в войну за общий интерес со своими противниками, в управляемые, институционализированные формы конфликтного действия, как то социальная, экономическая, уголовная и прочие политики. При этом данная трансформация, как мы уже заметили, может носить характер перевода конфликта реального в нереалистичный, высокоинтенсивного во внешне насильственный, т. е. приобретать черты манипуляции.

В таких условиях возрастает роль методологии анализа конфликтной ответственности, иначе говоря — определения степени ответственности/безответственности действий государства в социальных конфликтах. Сутью методологии здесь должен стать анализ составных частей конфликта: интересов, потребностей и позиций (манифестации) сторон, выбранной стратегии конфликтного поведения, самих сторон, объекта и предмета конфликта. В первом приближении взгляд конфликтолога сосредоточивается на внешних проявлениях конфликтной ответственности: ответственности за манифестацию конфликта и выбранную стратегию конфликтного поведения, а также обязанности реализовать этот конфликт и эту стратегию в существующей политической практике. Основываясь на классической классификации стратегий конфликтного поведения К. Томаса (борьба, компромисс, уклонение), можно описать три степени ответственного поведения государства в социальном конфликте. Первая степень отражает ситуацию, когда конфликт манифестирован, при этом выбранная стратегия не адекватна целям конфликта, а последний и вовсе не обнаруживается в реальной политической практике. Вторая степень: конфликт манифестирован, отраженная в норме стратегия конфликта целесообразна, на практике же выбранные принципы оказываются декларативными. И, наконец, есть наивысшая степень ответственного поведения, когда три вышеозначенных компонента конфликтной ответственности уложены в систему и исполняются [14, с. 304–305].

Более глубокий анализ конфликтной ответственности направлен на исследование интересов инстантов и агента ответственности, а также интересов противостоящих им социальных сил. Описывая борьбу государства с каким-либо социальным злом, исследователь часто забывает об истинных причинах, положенных в основание этой борьбы. Концепция конфликтной ответственности позволяет вспомнить о том, что исходной точкой сражения государства за общее благо являются фрустрированная потребность и ущемленный интерес инстанта ответственности, т. е. народа, а государство выступает лишь агентом действия. Нередко, безосновательно отождествляя интересы инстанта и государства, мы впадаем в грубую методологическую ошибку. Проверка

на реалистичность манифестации и конфликтного действия государства должна стать проверкой их корреляции исключительно с интересами инстанта, а не с интересами политического класса или вольной интерпретацией интересов инстанта политическим классом. В случае отсутствия этой корреляции мы имеем дело с нереалистичным конфликтом или же совершенно с другим конфликтом, не имеющим к анализируемому никакого отношения. Государство также ловко манипулирует с тем, кого следует отнести к противоположной стороне конфликта, например в случае с тарифами ЖКХ, смещая акценты с тех, кто реально устанавливает правила игры в этой сфере, т. е. с самого себя, на игроков этого рынка, переводя дебаты в плоскость частных корыстных интересов управляющих компаний, естественных монополий и т. д.

В качестве вывода можно сказать, что введение в научный язык категории конфликтной ответственности даст возможность иначе взглянуть на традиционные отношения ответственности государства и общества, позволит точнее диагностировать наличие социальных противоречий, реально оценивать усилия по разрешению этих противоречий, прогнозировать будущее состояние общественных отношений.

Литература

1. Лисанюк Е. Н. Ответственность, рациональность и власть // Правовое государство и ответственность личности: коллективная монография / под. ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. С. 61–77.
2. Лаказова Г. В. Долженствование и ответственность в системе социальных отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2011. 26 с.
3. Гумбольдт В. Опыт установления пределов государственной деятельности // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 1. С. 628–635.
4. Social Insurance and Allied Services. Report by Sir William Beveridge. London: HMSO, 1942. 299 p.
5. Спиридонова В. И. Эволюция концепции общего блага в западной политической мысли // Политгнозис. 2001. № 1 (13). С. 41–52.
6. Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с.
7. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
8. Dahrendorf R. Conflict Groups, Group Conflict and Social Changes // Class and Class Conflict in Industrial Society / ed. by R. Dahrendorf. California, Stanford: Stanford University Press, 1959. P. 206–240.
9. Стребков А. И. Социальная политика и социальная ответственность государства // Философия права и ответственность государства: коллективная монография / под. ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 150–188.
10. Simmel G. Der Streit // Simmel G. (ed.). Soziologie. Untersuchungen über die Formender Vergesellschaftung. 1. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot Verlag, 1908. S. 186–255.
11. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 268 с.
12. Исполнение предвыборных обещаний потребует увеличения налогов // RIA.RU: РИА Новости. 13.09.2011. URL: <http://ria.ru/economy/20110913/436661448.html> ixzz2MeY109Ke (дата обращения: 05.03.2013).
13. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. // 2020STRATEGY.RU: Информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией 2020». 2012. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 05.03.2013).
14. Сунами А. Н. Конфликтная ответственность государства в контексте антинаркотической политики // Философия права и ответственность государства: коллективная монография / под. ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 283–305.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2013 г.